ПОПОВКИН Андрей Владимирович

канд. филос. наук, руководитель научно-образовательного центра Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: andrey.popovkin@gmail.com

ПОПОВКИНА Галина Сергеевна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: galina.popovkina@gmail.com

Святость как иное повседневной культуры (на примере рассказов «Несвятые святые» арх. Тихона (Шевкунова))

УДК 22/28(0:882:32)

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84)

христианство,
Православие,
культура,
святость,
иное,
межличностная
коммуникация,
телесность,
власть

Святость – одна из базовых ценностей религиозной жизни христианина, однако представления о ней у разных групп верующих могут сильно различаться. Это понятие не получило однозначного определения и в трудах богословов. В народной культуре присутствует интуитивное знание о святости, но нет ясного представления о ней. На основе анализа текстов рассказов архимандрита Тихона создан обобщённый образ святого, характерный для русской православной культуры. Сделан вывод, что святость человека в народном понимании связана с любовью к людям, чистотой души, инаковостью, неотмирностью.

Святость является одной из ключевых ценностей в религиозной жизни всякого христианина. И этот факт парадоксальным, на первый взгляд, образом препятствует возможности дать однозначное общепринятое её определение. Прежде всего, дело в том, что христианство вообще и Русская Православная церковь в частности существуют не сами по себе, а в форме социальных институтов. Сама Церковь (как Вселенская, так и поместные) может быть рассмотрена как социальный институт со своими традициями, устоями, процедурами социализации и т. п. Однако при более пристальном взгляде можно видеть, что в русской культуре социальный институт Церкви не однороден, в нем довольно отчётливо выделяются более-менее замкнуто существующие подструктуры. К одной из таковых можно отнести весьма самобытный и достаточно замкнутый социальный слой духовенства РПЦ (напомним, что вплоть до начала XX века духовенство в России составляло отдельное сословие). И зачастую, даже в наше время, когда говорят о Церкви (в СМИ или других формах публичного дискурса) чаще всего подразумевают именно клир (духовенство), а не всю полноту Церкви, включающую помимо клириков и монахов также и мирян.

Другим, достаточно заметным паттерном выступает то, что принято называть словами «простые верующие», «православный народ» и т. п. С одной стороны, религиозная жизнь простых верующих совершается при участии духовенства. Но, с другой стороны, следует отметить, что христианская традиция, попав в лоно народной культуры, конечно же, пре-

Для цитирования:
Поповкин А. В., Поповкина Г. С. Святость как иное повседневной культуры (на примере рассказов «Несвятые святые» арх. Тихона (Шевкунова)) // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 72–84. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84)

терпевает некоторые изменения. Наиболее известным и, отметим, достаточно спорным является феномен так называемого «русского двоеверия»: сочетания в народной культуре христианских и языческих мотивов. В реальности, конечно, ни о каких «двух верах» в народной культуре говорить нельзя. Все дело именно в специфическом «усвоении» народной культурой христианства, превращения его в свой мотив, пусть очень важный, даже ведущий, но все же подчиняющийся логике и форме существования самой традиционной культуры. Характерной же чертой народных традиций является то, что они, во-первых, предстают человеку как некая данность (причём довольно сильно формализованная – в виде обычаев, обрядов, ритуалов и т. п.), усвоение которой является условием «вхождения» в данный социум в качестве «своего». А, во-вторых, народная традиция (и традиционная религиозность здесь не исключение), вернее её смысловое основание, существует в народном сознании в нерелексивной форме. Иными словами, народная культура и её носители не задают вопросов к своим традициям, не спрашивают, «почему принято именно так, а не иначе?». Отсюда и легко наблюдаемое в «народном православии» почти магическое отношение к церковным обрядам, предельно внимательное отношение к всевозможным религиозным запретам и т. п. Ведь главная задача *традиционных верований* состоит в установлении гармоничных отношений человека со сверхъестественными силами. И в этом отношении для традиционного народного сознания вполне может и не быть особой разницы между запретом касаться огня, перепрыгиваемого в Купальскую ночь, и запретом есть мясную пищу во время постов. Конечно, такое отношение вело к трансформации в народной среде смыслового содержания собственно христианской традиции, выраженной в Священном Писании и в Предании. Например, понятие греха часто редуцировалось до простого нарушения одного из «запретов».

Таким образом, хотя Православная христианская традиция едина и её базовые смыслы, концепции и категории вполне верифицируемы благодаря наличию текстов Св. Писания и Св. Предания, однако в сознании разных социальных групп верующих представления об этих базовых понятиях и концепциях могут претерпевать довольно существенные изменения. Поэтому мы можем говорить как минимум о трех видах понимания святости. Первый – это богословское понимание святости, которое можно вывести на основе анализа текстов. Второй – тот, что существует в социальной группе, представленной духовенством и монашеством. И, наконец, третий – существующий в традиции «народного христианства». При этом стоит учитывать, что во втором и в третьем случае мы имеем дело не с понятием в узком смысле этого слова, а, скорее, с *представлением о святости*. Эти представления выражаются в конкретных образах святых, в иконописи, житиях, народных быличках и т. п.

Важно отметить, что все три вышеперечисленных типа представлений о святости существуют не изолированно, но «пересекаются» в тех или иных жизненных ситуациях, оказывают взаимное влияние. Ведь и в клир, и в монашество приходят люди «из народа», и далеко не всегда эти люди получают качественное богословское образование. С другой стороны, лишь сравнительно небольшая часть клира и ещё меньшая часть верующих мирян занимается теоретическим богословием и способна выразить своё представление о святости в форме ясной концепции.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что столь важное понятие, как святость, не получило однозначного определения и в трудах богословов. Большинство из них в наши дни, так или иначе, опираются на довольно распространённую в религиоведении оппозицию сакрального и профанного. Так, один из членов ныне действующей Синодальной комиссии по канонизации святых, архим. Ианнуарий (Ивлиев), утверждает, что «Святое – это нечто возвышенное, выходящее за рамки обычного, освященное и неприкосновенное» [2]. Он же отмечает и связь понятия святости с нравственной чистотой как Бога, так и человека, почитаемого святым. В целом же архим. Ианнуарий отмечает проблематичный характер понимания святости, особенно в Ветхом Завете, поскольку в нём категория святости порой относится к людям, совершавшим с современной точки зрения морально неприемлемые поступки. В Новом Завете, концепция святости гораздо менее противоречива, в ней отчетливо выделяется момент благодати Бога («Бог есть Любовь») и причастности к этому благу всякого существа, вступившего в богообщение («тот, кто пребывает в любви – пребывает в Боге»). Однако же и новозаветное понимание святости не так просто и явно не сводится к одной лишь нравственной добродетельности и чистоте: «Священное Писание Нового Завета называет людей святыми не за их высокие нравственные добродетели, не потому, чтобы они уже были чистыми, но потому, что они отделены для Бога и призваны к чистоте» [2].

В целом можно отметить следующие аспекты представления о святости, выделяемые современными православными богословами [2; 1; 5; 6]:

1) это свойство Бога, характеризующее его отделенность от тварного мира;

2) вытекающая из первого свойства чистота, незамутнённость мирскими устремлениями и пороками;

3) святость распространяется на мирские предметы, если они так или иначе соприкоснулись с Богом: были Ему пожертвованы людьми, использовались в богослужении, либо же Бог сам как-то выделил их по своей воле;

4) святость человека обусловлена той или иной формой его богообщения: священническим или иным служением Богу, особой чистотой, «неотмирностью» души (не свойственной обычным людям).

Следует особо отметить, что христианское понятие святости человека несводимо к «моральному святому» (т. е. человеку, который всякий свой поступок совершает, руководствуясь принципом максимума моральной добродетели). Интересные соображения на этот счет можно найти в работе современного специалиста по философскому богословию Р. М. Адамса: «С религиозной точки зрения святые – это люди, искренне и всецело отдающие себя Богу, и не только через свою любовь к Нему, но и потому, что они позволяют Его любви овладеть всем их существом, так что божественная любовь действует через них, и через них светит она другим людям. Интересы святого зависят от интересов Бога, ибо сама святость есть сопричастность Его интересам. ...Как творца всех вещей и всех человеческих способностей мы вправе считать Его заинтересованным во многих видах доступных людям совершенств – ради них самих, а не только по их связи с тем, что можно было бы отнести к моральному интересу в узком

смысле слова...» [1, с. 230]. Таким образом, действие святости может проявляться не только в виде моральных поступков, но и, например, в создании прекрасных картин, возвышающих душу литературных произведений и даже в научных поисках! Конечно, художник может талантливо выразить и нечто ужасное, литератор может талантливо описать пороки и т. п. – очевидно, что в этих случаях говорить о святости неуместно.

Представления о святости, бытующие в среде духовенства, достаточно хорошо отражены в житийной литературе. Мы находим там большое число святых монахов, диаконов, священников, архимандритов и священников. Однако, и это весьма примечательно, Русской Православной Церковью в лике святых, если исключить всевозможных правителей, мучеников и юродивых, прославлено очень мало мирян. При этом нельзя сказать, что прославление мирян не является церковной традицией – Древняя Церковь даёт нам немало примеров, самый примечательный – Св. Моника, мать Блаженного Августина, известного богослова, епископа Гиппонского. В итоге складывается ситуация, когда духовенство РПЦ имеет множество образцов святости, миряне же фактически не имеют ясных образцов святой жизни, соответствующих их профессиям и образу жизни.

В подтверждение наших слов приведем выдержки из интервью Алины Багриной, руководителя службы «Среда», проводшей фотоисследование «Локальные святые». Вот что она говорит о том, как участники конкурса фотографий выразили понимание святости человека в своих работах: «...Люди «в святом» есть, и много. Но нет «образа героя». ...<но> очень много глаз. Даже не то чтобы лиц, а именно глаз. Взглядов...» [4]. Последние слова особенно показательны. В народной культуре живо некое интуитивное знание о святости, способность её ощутить, но нет ясного представления, чёткого образа, в котором бы это чувство, эта интуиция нашли своё выражение.

В этом отношении особый интерес представляет рассматриваемый нами сборник рассказов «Несвятые святые» архимандрита Тихона (Шевкунова). На страницах этой книги отражено как народное представление о святости, так и понимание святости духовенством. Сначала на святых смотрит паломник, позже – послушник, Георгий, а затем – этот же человек, но уже монах и священник Тихон. Своё исследование мы основывали на методах феноменологии религии, поскольку рассматриваем феномен святости в религиозной жизни христианина. На основе анализа художественного текста, путём выделения основной темы, проблем и идеи в нем, с помощью раскрытия художественного образа героев (их характера, внешних черт, поступков) мы пытаемся создать обобщённый образ современного святого, характерный для русской православной культуры, выявить его значимость и ценность.

Основной темой рассказов является, по словам автора, возможность всякому православному христианину «поведавать свое Евангелие». «Личное Евангелие» не может быть поведаано без решения проблемы присутствия Бога в человеческой жизни, что неотрывно связано здесь с идеей святости, главного «маяка» христианской жизни. Святость проявляется перед людьми самыми разными, порой неожиданными аспектами и, прежде всего, практиками межличностной коммуникации и поведения.

Так, отец Иоанн (Крестьянкин) – самый первый «несвятой святой», с которым читателю предстоит познакомиться в книге арх. Тихона. Семидесятидвухлетний насельник Псково-Печерского монастыря не произвёл на паломника Георгия (будущего архимандрита Тихона) особого впечатления: просто очень добрый старичок, «вечно куда-то спешащий, даже суетливый» в сравнении с другими строго-аскетичными и солидными насельниками. Например, выход старца к вечерней службе описывается как вылет из братского корпуса странной процессии, когда отца Иоанна почти бегом тащил за собой его келейник отец Филарет, за ними устремлялись паломники, и все вместе они неслись через монастырский двор – «монашеские мантии развевались, батюшка то и дело спотыкался, задыхался от бега, впопыхах все же пытаясь благословить кого-то из паломников», а отец Филарет страшно сердился и кричал то на батюшку, то на паломников, даже отгоняя их иногда зонтиком [3, с. 39–40]. Наблюдение этой картины вызывало искренний смех послушников до тех пор, пока они не поняли, что перед ними не просто старый и очень мудрый человек, а старец, которому «Господь даёт ... видеть прошлое и будущее, как настоящее» [3, с. 40]. В своём общении с посетителями он спешил благословить каждого, «волновался, объяснял. Утешал, сетовал, подбадривал. Охал и ахал. Всплескивал руками» и более всего «напоминал наседку, суетящуюся над многочисленным выводком» [3, с. 62]. Отсутствие «солидности», которая, по мнению паломника, а позже – и послушника, Георгия более свойственна монахам и духоносным старцам, совсем не мешало отцу Иоанну с любовью и вниманием относиться к своим многочисленным духовным чадам да и просто пришедшим за советом.

Пример непривычного поведения монастырского насельника можно видеть в рассказе «Архимандрит Серафим». Если отец Иоанн (Крестьянкин) поражал послушников своей «суетливостью», то отец Серафим мало общался с людьми, был очень сосредоточенным и углубленным в молитву так, что «нам, послушникам, казалось преступлением отвлечь его» [3, с. 75]. Тем не менее, «несмотря на замкнутость и суровость, отец Серафим был необычайно добрым, любящим человеком», а в «монастыре его все почитали и любили. Хотя и относились со страхом, точнее, с трепетом, как к человеку, живущему на земле с Богом, как к живому святому» [3, с. 76], что, видимо, подтверждалось и наблюдениями братии о его прозорливости.

Очень ярко в книге архимандрита Тихона изображён отец Нафанаил, который даже в названии посвящённого ему рассказа охарактеризован как «вредный», а позже – как «очень вредный». Он чрезвычайно дорожил и горстью сухарей, и внушительной суммой денег, пожертвованных монастырю, отчего казался «настоящим Плюшкиным» [3, с. 97]. Кроме того, в своих обязанностях по присмотру за послушниками он достигал поразительных успехов – появлялся в любое время суток и в тот момент, когда его меньше всего ждали. Это был «невероятно экономный во всем другом церковный скряга», который «отдавал всего себя человеку, которого лишь на несколько минут посылал к нему Господь Бог» [3, с. 103].

Иеромонах Рафаил, напротив, был очень общителен, он очень любил пить чай с пришедшими к нему. Во время чаепития он разговаривал с гостями о вере и Боге, поясняя свою речь простыми понятными

непосвящённому примерами. Однако он совершенно не мог произносить проповеди, что казалось немислимым для священнослужителя [3, с. 547–634].

Почти каждый герой книги имел особенности в общении. Но иногда привычное поведение нарушалось какими-то неожиданными, но необходимыми в тот момент поступками. Так, отец Иоанн (Крестьянкин) однажды употребил в своей речи настоящую тюремную «зековскую» поговорку и произнёс её «так обыденно и привычно, как бы между прочим, что я ушам своим не поверил!» [3, с. 56]. Старец Николай (Гурьянов) при прощании с приехавшим Георгием «неожиданно ухватил его за чуб», оттащил за вихры со словами: «Не пей!» [3, с. 406]. А иеромонах Рафаил строго пообещал девушке, которая не хотела носить платок, прибить ей к голове гвоздиком половик [3, с. 605]. Наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Гавриил внезапно назвал полюбившегося всем странствующего монаха Августина бродягой и жуликом [3, с. 219], что впоследствии и подтвердилось. Такие странные и непонятные для обычного человека поступки, как правило, объясняются особым предвидением или прозрением человека, их совершившего [например, 3, с. 238, 406–407 и др.].

Одной из отличительных черт почти всех героев рассказа – архимандритов, монахов, священников – можно назвать смирение, с каким они общались с людьми православными и часто и с неправославными. Так, считалось, что отец Иоанн (Крестьянкин) обладает даром «познания воли Божией» [3, с. 41], поэтому пришедшие к нему с вопросами люди старались слушаться его советов. Однако «Отец Иоанн никогда не диктовал и не навязывал свою волю. Он бесконечно ценил человеческую свободу и относился к ней с каким-то благоговением», отчего «готов был уговаривать, увещевать... даже умолять об исполнении того... что необходимо для обратившегося к нему человека» [3, с. 43]. А отец Рафаил «никогда не упускал возможности смириться перед любым, даже первым попавшимся человеком» [3, с. 589], поэтому, например, за столом брал себе самое плохонькое, подгнившее яблочко, оставляя лучшие другим, любому гостю-страннику уступал свою кровать, был способен снять с себя сапоги и отдать их попрошайке и т. п. Епископ Василий (Родзянко) был «в послушании у всякого человека», который встречался на его жизненном пути, если только его просьба была по силам и не входила в противоречие с Евангелием [3, с. 497]. Хотя такое ревностное исполнение монашеского обета нередко оборачивалось для сопровождавших Владыку Василия «сущей каторгой», сам он всегда изъяснял «самую горячую готовность исполнить просьбу», в буквальном смысле отдавая себя в послушание каждому, кто к нему обращается, и совершенно не тяготился этим. Лишь постепенно будущий архимандрит Тихон стал понимать, что «от этого вся его жизнь становилась не больше не меньше, как постоянным познанием Промысла Божия» [3, с. 497–500 и др.].

Смирение «несвятых-святых» простиралось и на случаи оскорбления их личного достоинства. Так, подрясник о. Тихона «оказался изрядно заплеванным... но мы... старались этого не замечать» при его поездке в полуразрушенный войной Грозный [3, с. 457]. Характерный случай описан в рассказе «О смирении». Группа, состоящая из монашествующего священника (отца Рафаила), дьякона, двух монахов и

автора книги (они были молоды и имели хорошую спортивно-боевую подготовку), своей одеждой привлекла внимание пьяной компании. Хулиганы оскорбляли монахов и угрожали им, даже бросали в них комья грязи и палки, однако не вызвали никакого ответа. Однако, когда они стали поносить Бога и Богородицу, священник разрешил одному иноку применить в деле боевые навыки [3, с. 590–592]. Смирение монашествующих имело свои границы: отец Рафаил «мог стерпеть что угодно по отношению к себе самому, но не выносил, когда оскорбления касались Господа Бога и Его Церкви» [3, с. 590].

По-видимому, этим же чувством обусловлен поступок молодого иеромонаха, наказавшего хулигана, прикуривавшего от лампы у иконы Божией Матери [3, с. 469]. Причём, это не был рациональный, осознаваемый поступок; по словам отца Рафаила «дальнейшее он помнит смутно», ведь он выволок курильщика на улицу и нанёс ему такой удар, «о котором до сих пор вспоминают очевидцы». Отметим, что по церковным правилам священник, ударивший человека, запрещается в священнослужении; это худшее, что может случиться со священником. Однако любовь к святыням у этого человека была настолько чистой, неподдельной и сильной, что он, не раздумывая, сделал то, что сделал бы, наверное, каждый человек для спасения своих близких. Осознав произошедшее, иеромонах в ужасе рассказал все своему духовнику отцу Иоанну (Крестьянкину), на что тот ответил: «Это не ты ударил, это Ангел!».

Неожиданно отреагировал на появление в своей келье грабителей монах-затворник старец Досифей. Он разрешил им брать всё, что они захотят, но вначале благословил их. «В ту же секунду на громил напал такой ужас, что они выскочили за дверь и в панике бросились прочь», – пишет автор [3, с. 595]. Как видим, смирение выступает основной чертой общения с людьми героев рассказов архимандрита Тихона (Шевкунова). В случаях столкновения с враждебными нападениями смирение распространяется только в отношении их самих, когда же оскорблению подвергаются святыни, то они часто становятся непредсказуемыми, могут пренебречь правилами и нормами поведения ради защиты своей веры.

Инаковость «несвятых святых» проявляется не только в повседневном поведении, в практиках межличностного общения, но и во взаимоотношениях с властью. Герои рассказов в большинстве своём жили в советский период отечественной истории. Советскую власть, повинную в гонениях на Церковь, никто из них не любил, но и не враждовал с ней. Более того, духоносные старцы, как, например, отец Иоанн (Крестьянкин), могли искренне радоваться встрече с человеком, оклеветавшим его, всю жизнь молиться за следователя, который ему «все пальцы переломал», а годы лагерей считать самыми счастливыми в своей жизни: «Потому что Бог был рядом!» [3, с. 61].

В советской России действующих монастырей остались единицы, и внимание к ним со стороны властей было очень пристальным. Но насельники Псково-Печерского монастыря умудрились сохранить своё святое место – монастырь, не только умилив многочисленных проверяющих подарками, но иногда и остроумно возражая им. Так, наместник монастыря архимандрит Алипий изобрёл способ, развенчивающий миф об особом воздухе, обладающим «консервирующим» действием, в пещерах, где складывали гробы с телами умер-

ших монахов: он брал с собой платок, пропитанный одеколоном – этот запах там отчётливо чувствовался [3, с. 123–124]. Он же умел «с добродушным юмором и неотразимо доходчиво», либо шутливо-грубоватым ответом на неуместные вопросы проверяющих или именитых экскурсантов исключить желание спрашивающих дальше продолжать беседу в том же тоне. Особенно яркий пример – его общение с министром культуры Фурцевой [3, с. 187]. Подобным образом, поступал отец Нафанаил, сопровождавший свои колкие возражения действиями: он оставил группу дерзких юных экскурсантов одних рассматривать на хозяйственном дворе нужной чуланчик вместо продолжения экскурсии [3, с. 102–103] и даже организовал крестный ход с молебном в зале для выборов депутатов в Верховный Совет СССР [3, с. 91–92]. Нередко наместник монастыря делал формальный выговор кому-то из своих монахов за самоволие в отношении представителей власти, однако, на деле одобряя и поощряя их. Таков случай с монахом Аввакумом, сторожем на воротах, который решил положить конец прогулкам по монастырю нехристиан – он стал требовать у желавших войти прочесть наизусть молитву «Символ веры». Конечно, в советское время знать её могли только верующие. Случилось так, что в это время в монастырь приехал с проверкой уполномоченный по делам религий. Молитву он не знал, ему пришлось повторить её за отцом Аввакумом. Попав, наконец, на встречу с наместником Гавриилом, он был возмущён и разгневан, что грозило монастырю неприятностями. Поэтому наместник строго отчитал «самочинного» монаха при проверяющем. Уполномоченный торжествовал, однако после его отъезда архимандрит Гавриил призвал отца Аввакума к себе снова, но не для наказания, а наоборот, поощрил его, подарив бутылку знаменитого наместнического коньяка [3, с. 341–347].

Но отношения «несвятых-святых» и начальствующих «нехристей» не всегда были тихо враждебным, остроумно завуалированным противостоянием. Бывало, что люди Церкви открыто смеялись над безбожной властью. Таким примером может служить герой рассказов отец Рафаил, который не только выкрасил свой «Запорожец» в чёрный министерский цвет [3, с. 558], совершенно не боялся высказывать свои взгляды на советскую власть, но и отправил участкового милиционера с «незваными гостями» в штатском разыскивать в лесах и болотах несуществующую подпольную типографию [3, с. 607–612].

Подобных примеров можно найти в рассказах немало. Все они схожи в одном: искренне верующие не только не боялись власти, но и могли уживаться с ней, противостоять ей с помощью остроумия, юмора, внутренней свободы, сохраняя самое главное в своей жизни – веру.

Вслед за необычным, с точки зрения обывателя, поведением подвижников веры, обращают на себя внимание особые проявления их телесности. Как правило, все подвижники крайне нетребовательны к пище и едят мало даже по монастырским меркам. Так, старец Досифей мог весь Великий пост не вкушать ничего, кроме Святого Причастия и воды [3, с. 596]. А отец Нафанаил всегда пил только простую воду, а за обедом «съедал еле-еле пятую часть из того, что подавалось». Но в братскую трапезную он каждый вечер приходил на ужин лишь с той целью, «чтобы, сидя перед пустой тарелкой, придиричиво наблюдать за порядком» [3, с. 85]. Схиигумен Мелхиседек появлялся на брат-

ской трапезе только по праздникам «и почти ни к чему не притрагивался» [3, с. 105]. Архимандрит Серафим довольствовался самым малым «не только в еде, сне и общении с людьми», но даже в бане [3, с. 77–78]. Внешний вид подвижников так же бывает примечателен: это либо высокие, очень сильные богатыри (Епископ Василий (Родзянко), инок Александр, отец Рафаил, необычайно сильный для своего возраста старец Досифей, «громадный» и «величественный» с громовым голосом архимандрит Гавриил, статный красавец-фронтоник архимандрит Алипий) или наоборот, хрупкие, часто болезненные люди, например, худенький, с острым пронзительным взглядом отец Нафанаил, иеродьякон Рафаил, который был такого маленького роста, что его, шутя, звали отцом Рафаильчиком, или часто простужавшийся отец Иоанн (Крестьянкин). Примечательной могла быть даже одежда этих необычных людей: роскошная греческая мантия архимандрита Гавриила, рваные башмаки и выцветшие кальсоны отца Нафанаила и т. п., которые словно дополняли впечатление, производимое внешностью их обладателей.

Самым необычным проявлением телесности подвижников для наблюдателя, а именно для молодых послушников, было поведение отца Нафанаила, который поздним зимним вечером проходил по территории монастыря и внезапно лёг прямо в снег. Проспав так около часа, он продолжил свой путь, как ни в чём не бывало. Старые монахи объяснили, что отец Нафанаил очень устал и захотел удобно поспать. Удобно – значит, лёжа, а не сидя, как в своей келье, «а чтобы не нежиться в кровати, предпочёл поспать в снегу» [3, с. 87–88]. Как видим, телесность «несвятых святых» в восприятии обычных людей была особенной, примечательной, броской.

Внешние особенности, поведение подвижников отражали их внутреннее состояние, их ощущение постоянного присутствия Бога, потребность в служении Богу, что подтверждается во всех рассказах книги. Именно потребность служения является, пожалуй, определяющей для всей жизни подвижников. Как антипример этого состояния выступает один из героев рассказа «Что происходило в духовном мире в эти минуты?» дьякон Григорий, «угрюмого вида лохматый человек» из Сухуми. Он предстаёт перед читателями не очень человеколюбивым – оставляет работать на жаре троих молодых монахов и только через пять часов привозит им воду для питья. Как выяснилось позже, он уже несколько лет служил Литургию, не исповедуясь, в нарушение правил, да и желания исповедаться, судя по всему, не испытывал. Повествование об отце Григории в этом рассказе заканчивается печально – на него обрушивается кирпичная стена. Думается, эта история показана в книге не случайно, а как образец несоответствия действий (служение Литургии) и душевного состояния (отсутствие желания исповедоваться, а значит, непризнание за собой грехов).

Пожалуй, в жизни подвижников самыми приметными действиями для простых людей являются всевозможные доказательства прозорливости. Обычно подвижники стараются скрыть от посторонних глаз свои духовные дары. Однако эти дары всё равно становятся известны внимательному человеку. Так, например, схимник Киприан знал о внезапном возвращении наместника в монастырь и предупредил об этом дежурного у ворот, чтобы тот не получил наказание за отлучку с дежурства [3, с. 386]. Казначей монастыря отец Нафанаил буквально

но произнёс вслух сокровенные мысли послушника Георгия [3, с. 98]. Молчаливый, углублённый в молитву архимандрит Серафим предсказал автору книги скорый отъезд из монастыря [3, с. 80–81], а одному из послушников, видимо, узнав его намерения, строго запретил покидать монастырь [3, с. 75]. Иногда слухи об обладании кем-либо из монахов благодатными дарами разлетались далеко за пределы монастыря, как, например, в случае с отцом Иоанном (Крестьянкиным), к которому за благодатным советом съезжались люди из разных уголков Советского Союза. Любопытный случай описан в рассказе «О смирении». Старец Досифей успокоил отца Рафаила, испугавшегося внезапно появившейся возле его голой ноги болотной гадюки: «Не бойся, она тебя не тронет. Бери стамески и пойдем» [3, с. 595–596]. Автор никак не объясняет случившееся, позволяя читателю самому решить, каким был поступок отца Досифея: предвидение (он знал, что змея не проявит агрессию) или дружба с диким животным, подобная известным в церковной литературе историям дружбы старца Герасима и льва, Преподобного Серафима Саровского и медведя. Но этот случай добавляет красок в портрет необычного человека, «несвятого святого».

Как правило, сами духоносные старцы отрицали у себя такие дары, и только со временем, в течение продолжительной жизни в монастыре послушники и молодые монахи замечали необычные случаи-доказательства того, что кто-то из иноков обладает благодатными дарами.

При рассмотрении образа святого нельзя не заметить и отношение к нездоровью, болезни. Следует сказать, что люди, посвятившие себя Богу, не много внимания уделяют своему здоровью, стараются не замечать болезни. Так, в книге несколько раз упоминается о болезнях автора, но только упоминается – сколько-нибудь подробной картины автор не дает. Лишь один случай болезни описан в рассказе «Послушничество»: Георгий заболел двусторонней пневмонией, но покидать монастырь даже на время лечения отказался и продолжал работать на послушании. Вылечил его монах Дионисий старым, «дедовским» способом: уложил спать внутри протопленной, остывающей печи, после чего юноша утром совершенно здоровым «вылетел из этой печи, как весенняя птичка» [3, с. 137]. Во время болезни для монаха возможно было ослабление поста – могли быть разрешены для употребления некоторые продукты, но сохранялись обязанности молитвы, запрет на развлечения, например, на просмотр телевизора [3, с. 64]. Архимандрит Антипа сокрушался о своей болезни только тогда, когда стало ясно, что он уже не сможет больше служить так любимые им молебны с акафистами [3, с. 117]. Несмотря на преклонный возраст и сопутствующие ему немощи, монахи работали, сколько могли, без поправок на нездоровье и усталость [3, с. 595]. То есть здоровье им было нужно лишь в той мере, в какой оно необходимо для труда и молитвы.

У «несвятых-святых» своё, особое отношение к смерти. Болезнь нередко заканчивается земной кончиной, однако это не страшит подвижника. Так, врачи предложили поставить отцу Нафанаилу «сердечный стимулятор», но он умолил отца-наместника этого не делать: «...душа хочет отойти к Богу, а какая-то маленькая электрическая штучка насильно запикивает её обратно в тело! Дайте душе моей отойти в свой час!» [3, с. 103]. То есть, такие серьёзные медицинские мани-

пуляции, как постановка кардиостимулятора, воспринимаются монахом как противоестественные, нарушающие правильный порядок событий.

Смерть, даже временная, может послужить уроком монаху. Так, монах Михаил был в монастыре столяром и посвящал всего себя этому делу. Однажды он пережил смерть и ожил снова, без участия врачей. Но в тот момент он увидел Божью Матерь, которая печалилась от того, что отец Михаил не принёс покаяния и молитвы, а лишь церковную утварь и мебель. После этого случая он просил наместника постричь его в великую схиму. В схимничестве ему было дано имя Мелхиседек. Отметим, что с монаха-схимника снимаются все послушания, кроме молитвы. Так отец Мелхиседек воспринял урок Божьей Матери о необходимости для монаха покаяния и молитвы [3, с. 105–110].

Герои книги помнят о смерти и не боятся её – «имеют память смертную». Так, по благословению наместника монастыря отца Алипия ему был изготовлен гроб, который стоял у него в коридоре. И на вопрос: «Где твоя келья?» он всегда показывал на гроб и говорил: «Вот моя келья» [3, с. 211–212]. Смерть для «несвятых-святых» – это, говоря словами отца Нафанаила, переход души к Отцу Небесному, поэтому к ней надо быть готовым и не стоит её страшиться.

Более того, смерть может стать залогом достижения Небесного Царства. Например, это может случиться в случае смерти на святом послушании. Так, отец Аввакум, поняв, что может умереть на святом месте, вернулся к послушанию на монастырских воротах, хотя ему там и угрожали бандиты [3, с. 167–168]. Как видим, осознание смерти как пути в Царство Небесное, способно подвигнуть человека на решительные, храбрые поступки.

Итак, представления о святости основаны, прежде всего, на понимании святого как чего-то чистого, удалённого от мирского, то есть иного, отдельного от тварного мира. Святой человек всего себя посвящает Богу, служение становится его жизнью, необходимой потребностью, непреходящим состоянием, определяющим его любовь, чуткое отношение к людям, его спокойную, иногда ироничную или решительно протестную позицию к власти, нетерпимую – к хулителям Бога. Главное для него в нем самом – его душа, а не личные интересы. Это обуславливает как особенности его общения с людьми, так и отношение к собственному здоровью. Часто святость проявляется как нарушение общепринятых практик, стереотипов поведения. Святой человек – «неотмирный», иной, не такой, как все люди, отличающийся особенной чистотой души, пусть и проявляющейся порой в некоторой чужаковатости или чрезмерной суровости. Эти люди пользуются большим уважением и авторитетом как среди таких же, посвятивших себя Богу людей, так и среди обыкновенных православных верующих. «Неотмирность» народное понимание связывает с проявлениями инаковости в межличностной коммуникации, в отношениях с властью, в особой телесности и во взглядах на здоровье, болезнь и смерть, даже во внешнем виде. Именно такая инаковость, отличающая подвижника от других (например, монашествующих), и является синонимом святости и имеет большую ценность в русской культуре.

Литература

1. Адамс Р. М. Святые // Адамс Р. М. Добродетель веры. Очерки по философскому богословию. – М.: Издательство ББИ, 2013. 376 с. С. 221–234.
2. Архим. Ианнуарий (Ивлиев) Библейский взгляд на святость Бога и святость людей [Электронный документ] // Портал: «Русская Православная Церковь. Синодальная комиссия по канонизации святых». URL <http://kanonkom.ru/docs/arhimandrit-iannuariy-ivliev-bibleyskiy-vzglyad-na-svyatost-boga-i-svyatost-lyudey.html> (Дата посещения 28.01.2018)
3. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. – М.: Изд-во Сретенского монастыря; «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 640 с.
4. Святые в России: кто смотрит и что не видит – интервью Алины Багриной порталу «Правмир» [Электронный документ] // Портал «Исследовательская служба “Среда”». URL: <http://sreda.org/2014/svyatoye-v-rossii-kto-smotrit-i-chto-ne-vidit-intervyu-alinyi-bagrinoyportalu-pravmir/145964> (Дата посещения 28.01.2018)
5. Святость // Богословская антропология. Русско-православный/римско-католический словарь: издания на русском и немецком языках / Под науч.ред. прот. А. Лоргуса, Б. Штрубенрауха. – М.: Паломник; Никея, 2013. 736 с. С. 445–450.
6. Священность/святость // Богословская антропология. Русско-православный/римско-католический словарь: издания на русском и немецком языках / Под науч.ред. прот. А. Лоргуса, Б. Штрубенрауха. – М.: Паломник; Никея, 2013. 736 с. С. 451–457.

Andrey V. POPOVKIN

Ph. D. (in Philosophy), Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).
E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Galina S. POPOVKINA

Ph. D. (History), Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).
E-mail: galina.popovkina@gmail.com

Sanctity as Other of Daily Culture (on the Example of Stories «Not Saint Saints» by Archimandrite Tikhon (Shevkunov))

UDC 22/28(0:882:32) doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84)

Sanctity is one of the basic values of the religious life of a Christian, but the ideas about it among different groups of believers can vary greatly. This important concept has also not been unequivocally defined in the writings of theologians, often relying on the opposition of the sacred and profane, widespread in religious studies. In folk culture there is an intuitive knowledge of holiness, but there is no clear idea of it. Based on the analysis of the artistic text (the stories of Archimandrite Tikhon), by identifying the main theme, problems and ideas in it, through the disclosure of the artistic image of the characters (their character, external features, deeds), a generalized image of the saint characteristic of Russian Orthodox culture was created, as well as of its significance and value. It is concluded that the holiness of man in the popular understanding is associated with love for people, the purity of the soul and otherness.

*Christianity,
Orthodoxy,
culture,
holiness (sanctity),
other,
interpersonal
communication,
corporality,
power*

For citation: Popovkin A. V., Popovkina G. S. Sanctity as other of daily culture (on the example of stories «Not Saint Saints» by Archimandrite Tikhon (Shevkunov)) // Oriental Institute journal. 2018. № 1. P. 72–84. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/72-84)

References

1. Adams R. M. Svyatye // Adams R. M. Dobrodetel' very. Ocherki po filosofskomu bogosloviyu. – M.: Izdatel'stvo BBI, 2013. 376 s. S. 221–234.
2. Arkhim. Iannuarij (Ivliev) Biblejskij vzglyad na svyatost' Boga i svyatost' lyudej [EHlektronnyj dokument] // Portal: «Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. Sinodal'naya komissiya po kanonizatsii svyatykh». URL <http://kanonkom.ru/docs/arhimandrit-iannuariy-ivliev-bibleyskiy-vzglyad-na-svyatost-boga-i-svyatost-lyudey.html> (Data poseshheniya 28.01.2018)
3. Arkhimandrit Tikhon (Shevkunov). «Nesvyatye svyatye» i drugie rasskazy. – M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya; «OLMA Media Grupp», 2011. 640 s.
4. Svyatye v Rossii: kto smotrit i chto ne vidit – interv'yū Aliny Bagrinoj portalu «Pravmir» [EHlektronnyj dokument] // Portal «Issledovatel'skaya sluzhba “Sreda”». URL: <http://sreda.org/2014/svyatye-v-rossii-kto-smotrit-i-chto-ne-vidit-intervyu-aliny-bagrinoj-portal-pravmir/145964> (Data poseshheniya 28.01.2018)
5. Svyatost' // Bogoslovskaya antropologiya. Russko-pravoslavnyj/rimskokatolicheskij slovar': izdaniya na russkom i nemetskom yazykakh / Pod nauch.red. prot. A. Lorgusa, B. SHtrubenraukha. – M.: Palomnik; Nikeya, 2013. 736 s. S. 445–450.
6. Svyashhennost'/svyatost' // Bogoslovskaya antropologiya. Russko-pravoslavnyj /rimskokatolicheskij slovar': izdaniya na russkom i nemetskom yazykakh / Pod nauch.red. prot. A. Lorgusa, B. SHtrubenraukha. – M.: Palomnik; Nikeya, 2013. 736 s. S. 451–457.